

УДК 81.367

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «ЗАНИМАТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНЫМ ДЕЛОМ» В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Самедов Д.С., Гаджихмедов Н.Э.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, e-mail: jalil.samedov@yandex.ru; nur1@yandex.ru

В статье на материале языков разных систем рассматриваются фразеологические единицы со значением «заниматься бесполезным делом», определяются их лексико-семантические особенности, средства формирования фразеологических образов и их лингвокультурологическая сущность. Несомненна и ориентированность характеризуемого фразеологического образа на человека, так как он связан с ситуациями, в которых по тем или иным причинам оказывается. Антропоцентричность характеризуемых в статье фразеологических образов заключается в том, что они отражают деятельность человека независимо от того, может ли иметь место обозначаемая ситуация в действительности. В большинстве характеризуемых фразеологических образов используются предметно-вещный и частично зооморфный коды культуры. Предметно-вещный код культуры связан с практической деятельностью человека, а зооморфный – с его поведением и качественными характеристиками. Такие фразеологические единицы представляют интерес как фрагменты языковой картины мира. Они носят национально-культурный характер не только в плане эмоционально-интеллектуального освоения носителями разных языков окружающей действительности, но и в плане выражения соответствующих коннотаций.

Ключевые слова: языки разных систем, фразеологические образы, обозначение бесполезной деятельности, алогизм, культурно значимые лексические компоненты

THE PHRASEOLOGICAL IMAGE «TO BE ENGAGED IN USELESS BUSINESS» IN LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

Samedov D.S., Gadziakhmedov N.E.

Dagestan state university, Makhachkala, e-mail: jalil.samedov@yandex.ru; nur1@yandex.ru

In the article, on the material of languages of different systems, phraseological units with the value 'be engaged in useless business' are considered, their lexical and semantic features, means of formation of phraseological images and their linguocultural essence are defined. Undoubted is the focus of a characterized phraseological image on a person as it is connected with situations in which, for one reason or another, this person finds himself. The anthropocentricity of the phraseological images characterized in the article is that they reflect the activity of the person irrespective of the fact whether the designated situation can take place in reality or not. In the majority of the characterized phraseological images there is used the subject-object and partially zoomorphic cultural codes. The subject-object code of culture is connected with practical activities of the person, and zoomorphic one deals with his behavior and qualitative characteristics. Such phraseological units are of interest as fragments of a linguistic picture of the world. They bear national and cultural character not only in respect of emotional and intellectual mastering of surrounding reality by the speakers of different languages, but also in respect of expression of the corresponding connotations.

Keywords: languages of different systems, phraseological images, designation of useless activity, alogism, culturally significant lexical components

В настоящей статье исследуются лексико-семантические и лингвокультурологические особенности фразеологических единиц со значением «заниматься бесполезным делом».

Актуальность исследования характеризуемых фразеологических единиц объясняется и тем, что данная проблема имеет страноведческий характер: полученные в результате исследования соответствующих фразеологических единиц сведения могут быть использованы в практике преподавания фразеологии неродного языка (например, русского, английского в национальной дагестанской аудитории). Фразеологические единицы со значением «заниматься бесполезным, не имеющим смысла делом» представляют особый интерес как фрагменты языковой картины мира, так как в них достаточно ярко отражаются особен-

ности образно-ассоциативного и эмоционально-интеллектуального освоения окружающего мира носителями разных языков. Фразеологический образ «небывальщины», представленный в языках разных систем, может иметь национально-культурный лексико-семантический состав, что в свою очередь приводит к выражению свойственных каждому языку национально-специфических коннотаций.

Научная новизна исследования определяется дальнейшим осмыслением семантической природы мало изученных фразеологических единиц, обоснованием одного из фрагментов феномена фразеологического образа и фразеологической образности, определением специфики фразеологизмов, образно выражающих значение «заниматься бесполезным делом» в языках разных систем.

Основной целью статьи является выявление специфики фразеологизмов, образно выражающих значение «заниматься бесполезным делом» в языках различных типологий.

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, зафиксированные в различных словарях русского, кумыкского и дагестанских языков.

Основными методами исследования являются описательный и сопоставительный методы, позволяющие обобщить и выявить формирование образности, оценочности, экспрессивности и эмоциональности в актуальном значении фразеологизмов семантического поля «заниматься бесполезным делом».

Результаты исследования и их обсуждение

Рассматриваемые в настоящей статье фразеологические образы разнообразны. В качестве одного из таких образов может быть рассмотрена русская фразеологическая единица *переливать из пустого в порожное* со значением «вести пустые бесполезные разговоры, болтать или заниматься ненужным делом, которое не может дать никакого результата» [4, с. 515]. В данном случае обозначена заведомо бесцельная, бесполезная с точки зрения говорящего (или говорящих) ситуация. Метафорический образ основан на уподоблении беседы (речи) образу льющейся воды. Алогизм здесь состоит в лексическом наполнении образа синонимическими словами «пустой» и «порожний», создающими представление о двух пустых сосудах, использование которых не поддается логике. Это свидетельствует о том, что образ «заниматься бесполезным делом» пересекается с образом алогической ситуации, что не может быть не оценено в сознании носителей языка негативно. Исследователи отмечают определенную славянскую стереотипность данного образа: ср. в болг. – *наливам (переливам) от пусто в празно*, в чеш. – *z pusteho v prazdne prelivati* [4, с. 516].

Как не имеет смысла и логики переливание из пустого в порожное, в такой же степени бессмысленно наливать воду в полный кувшин, что, к примеру, и отражается в отдельных фразеологических образах дагестанских языков: в арчибском *абцлуттуб члуттак лълан эчас* – букв. «в полный кувшин воду наливать», аварском. *цлураб глертлинибе лым тлезе* «заниматься бесполезным делом» (букв. «в полный кувшин воду наливать»); фразеологическая единица возникла в результате редукции аварской паремиологической единицы *цлураб глертлинибе лым тлоге, льеда накъши бахъуге* «в полный [воды] кувшин воду не лей, на воде

узоры не рисуй», которая предостерегает человека от бессмысленного занятия [8, с. 383].

С водой как с символическим природным кодом культуры связаны и другие фразеологические образы разных языков: ср. в арчибском *эхуттут лълан элрххалас* «разлитую воду собирать», русском *разлитую воду не соберешь*.

В таких национально-культурных фразеологических и паремиологических единицах разных языков используется специальный набор лексических компонентов. Характеризуя такого типа фразеологические образы в разных языках, Ю.П. Солодуб отмечает, что «национальная специфика фразеологического образа часто создается отбором весьма специфической для данного народа лексики: это обозначения каких-либо реалий, известных только носителям данной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры и религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-то одной страны, одного государства [8, с. 59].

Лексический состав двух фразеологических единиц разных языков с одним и тем же значением может быть разным и иметь вследствие этого национальную специфику. В качестве примеров Ю.П. Солодуб приводит фразеологические единицы русского и английского языков с общим значением «заниматься бесполезным делом»: *ездить в Тулу со своим самоваром* и *carry coals to Newcastle* (букв. «возить уголь в Ньюкасл» – центр угледобывающей промышленности). Национально-культурный характер данного образа в русском языке связан и с употреблением названий национально-культурных реалий: *Тула* (название русского города) и *самовар* (национально-культурный предмет, производимый именно в данном городе). В английском же варианте использовано название угледобывающего центра, куда возить уголь не имеет никакого смысла.

В разных языках имеют место фразеологические образы, связанные с обозначением двух объектов, которые в силу их логической противоположности для использования в деле не могут взаимодействовать друг с другом: один объект не может иметь воздействия на другой или же один из объектов не может служить местом локализации другого. Ср. в русском *толочь воду в ступе, воду решетом носить (черпать)*, аварском *гьагьинибе лым тлезе* «в корзину воду наливать», лакском *клурчлуттух цин ххилан* «в сите воду таскать», *клурчлуттуву цин хьадацлайссар* «в сите вода не держится», арчибском *цлама лълан сартлу* «сито воду не удерживает» или *цлама лълан халртлу* «в сите воду не возят», кумыкском *элек бу-*

лан сув элтмек «(носить) воду решетом» (в отличие от русского языка, где иронический стилистический оттенок создается употреблением для обозначения нереальной ситуации положительной формы глаголов «толочь», «носить», в лакском и арчинском языках бессмысленная, реально невозможная ситуация обозначается соответствующей отрицательной формой глаголов, в связи с чем выражения носят инструктивно-назидательный характер, присущий обычно паремиологическим единицам), в аварском *лъеда накъишал рахъизе* «рисовать узоры на воде», лакском *кӀункӀурдуйн варси дачӀун бан* «с котлом войлок спаять», в аварском *ясикӀлабазул бертин гъабизе* «сыграть свадьбу кукол» (источником фразеологической единицы является паремия *ясикӀлабазул бертин гъабунилан лъимал лъугъунаро* «после свадьбы кукол дети не рождаются») и др.

Образ бессмысленного (реально невозможного), бесполезного занятия может пересекаться с образом такого же бессмысленного, но реально возможного занятия. Такие фразеологические единицы могут соотноситься с вещно-зооморфным кодом культуры: ср. в русском *собак гонять* «бездельничать, заниматься пустым делом, проводить время в бесцельных забавах» [4, с. 651]. Исследователи происхождения данного фразеологизма связывают с русской игрой в бабки, в которой собакой называется палка, кою гоняют сучку, т.е. *шар в игре* [8, с. 536]. Зооморфный код культуры в данном случае трансформируется в предметно-вещный код, так как «собака как игровое наименование входит в систему имен этой игры, где использованы и другие названия из животного мира: *рюхи, чушки, иж, козелок*» [4, с. 651]. Метафорическая основа данного фразеологического образа связана с бессмысленным, бесполезным времяпрепровождением. Сюда же с определенной долей натяжки можно отнести русский фразеологизм *делить шкуру неубитого медведя* «преждевременно положительно оценить результаты дела, распределить прибыль от еще не осуществленного мероприятия» (обозначается невозможность и поэтому бессмысленность заранее предсказать, чем это мероприятие закончится); ср. также в арчибском *мули боӀх, хъала кӀункӀум* «тур – в горах [еще не убит], а кастрюля – у реки», аварском *магӀарда – чан, гӀорда – хъаг* «тур – в горах, кастрюля на реке» [у реки]: фразеологизм, скорее всего, возник в результате редукции паремиологической единицы *магӀарда чан букӀаго, чурун хъаг цӀеда лъоге* [1, с. 72] «пока тур в горах, помыв, кастрюлю на огонь не ставь» (в смысле: «не стоит преждевременно заниматься бессмысленным делом»).

Разного рода авантюры, бесполезные занятия в кумыкской языковой картине мира вербализуются в виде метафорического комплекса с ядром *медведь* в фразеологизме *аювгъа намаз уьйретмек* (букв. «медведя молитве учить») «заниматься бесполезным делом» [5, с. 49]. Зоолексема *медведь* в приведенном примере играет не основную стержневую роль, а создает аксеологический «фон» для развёртывания краткого сюжета, «сценария», где животное не является субъектом действия, однако, привлечением данного зооморфного кода подчёркивается ещё одна грань образа человека. Семантической доминантой, составляющей основу данного фразеологизма, является представление о медведе как об опасном, ленивом, коварном животном, которое невозможно приучить к сложным действиям.

В некоторых языках народов Дагестана как мотивирующая образ «заниматься бессмысленным делом» обозначается ситуация, когда человек предпринимает попытку без необходимости на то усилить качество предмета, для которого данный признак является типичным, основным. Ср.: в арчибском *кӀуттуллис мей ссуссубос* «курдюк жиром мазать», аварском *момомхалда нах бахине* «курдюк маслом мазать», кумыкском *туймечге май сюртгендей* «(как) сало маслом смазать» и др. Можно предположить, что и эти образы возникли в результате редукции соответствующих фразеологических единиц, выполняющих инструктивные функции и предостерегающих человека от бессмысленных и лишних забот, не имеющих реального результата.

В «Словаре фразеологизмов кумыкского языка» К.Х. Даибовой [6, с. 43] фразеологизм *инеден къаяв излемек* переводится как «пытаться определить цену», в академическом «Кумыкско-русском словаре» этот же фразеологизм в форме *инеден къаяв излейген (адам)* переведен как «придирчивый (человек)» [3, с. 169]. Ни один из этих переводов кумыкского фразеологизма на русский язык нельзя считать правильным. В основе данной глагольной фразеологической единицы лежит метафорическое переосмысление соответствующего переменного словосочетания *инеден къаяв излемек* «искать на иголке плену (изъян)». Перенос названия осуществляется на основе сходства действий. Поэтому данный фразеологизм имеет совсем другое значение: «заниматься совершенно бесполезным делом».

Кроме того, нельзя согласиться с составителями академического «Кумыкско-русского словаря» [3, с. 229], которые фразеологизм *инеден къаяв излемек* подают с пометой «поговорка». Данная фразеологическая единица отвечает всем требованиям, которые

предъявляются фразеологизму: обладает образностью, целостностью семантики, т.е. исходные значения компонентов не актуализируются в общем значении фразеологизма.

В кумыкском языке обнаружена фразеологическая единица *хумдан бав эшмек* (букв. «из песка ремень плести») со значением «заниматься бесполезным делом». Это значение также является метафорически осмысленным, так как у выражения сохраняется исходный образ: плести из песка ремень – совершенно бессмысленное и глупое занятие.

Рассмотренные в кумыкском языке фразеологические единицы подтверждают характерологические черты отношения к безделью, характерные для кумыкского самосознания: безделье стремятся скрыть имитацией активной деятельности.

Кумыкский язык отображает различные образы безделья активного и пассивного вида. В особый вид безделья выделены в языках различных типологий чрезмерные увлечения, развлечения. Так, человека, любящего нежиться в постели, поздно встающего, тунядца кумыки называют *ятыл ашар* (букв. кушающий лежа). Это образ безделья пассивного типа.

Фразеологические единицы, выражающие значение «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», содержат эмотивную коннотацию осуждения и пренебрежения.

Несомненна ориентированность характеризуемого фразеологического образа на человека, так как он связан с ситуациями, в которых по тем или иным причинам оказывается человек. Антропоцентричность характеризуемых в статье фразеологических образов заключается в том, что они отражают деятельность человека независимо от того, может ли иметь место обозначаемая ситуация в реальной действительности. Об этом свидетельствуют и конкретные наблюдения исследователей, занимающихся лингвистическими и лингвокультурологическими проблемами фразеологии. Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, в единицах языка мы можем обнаружить присутствие человека, отражение внешнего облика человека и его внутреннего мира, отношения человека к другим людям, к окружающей действительности, а также к своей деятельности [2, с. 3].

Заключение

Проведенный анализ фразеологических единиц разных языков со значением «заниматься бесполезным (бессмысленным) делом» свидетельствует, прежде всего, об их национально-культурном характере, определяемом особенностями образно-ассоциативного осмысления окружающего мира носителями разных языков. В большинстве характеризуемых фразеологических образов используется предметно-вещный и частично зооморфный коды культуры. Предметно-вещный код куль-

туры связан с практической деятельностью человека, а зооморфный – с его поведением и качественными характеристиками. Такие фразеологические единицы представляют интерес как фрагменты языковой картины мира. Они несут национально-культурный характер не только в плане эмоционально-интеллектуального освоения носителями разных языков окружающей действительности, но и в плане выражения соответствующих коннотаций. Из анализа фразеологических единиц языков разных систем прочитывается стереотипная для носителей каждого из языков ментальная установка: «недостойно человека заниматься бесполезными делами». Об этом говорит активное использование фрейма «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью» в языках разных систем.

Список литературы

1. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. – Махачкала, 2011. – 544 с. (На аварском языке).
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
3. Бамматов Б.Г., Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка // Ответственный редактор В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. – 784 с.
5. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь фразеологических единиц. – Махачкала: Логос, 2014. – 253 с.
6. Даибова К. Х. Краткий словарь фразеологизмов кумыкского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. – 83 с.
7. Магомедханов М.М. Аварско-русский фразеологический словарь. – Махачкала, 1993. – 157 с.
8. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объекта лингвистического исследования // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1990. – № 6. – С. 55–65.

References

1. Alikhanov Z. Avarian proverbs and sayings. Makhachkala, 1972. 544 p. (In the Avarian language).
2. Arutyunova N. D. Introduction // Logical analysis of language. Image of the person in culture and language. M.: Indrik, 1999. 424 p.
3. Bammатов B.G., Gadziakhmedov N.E. Kumyk-Russian dictionary. Makhachkala: Institute of language, literature and art Russian Academy of Sciences, 2013. 523 p.
4. Big phraseological dictionary of Russian // Editor-in-chief V.N. Thalia. 4 prod. M.: Nuclear heating plant Press Book, 2010. 784 p.
5. Gadziakhmedov N.E. Kumyko-russky dictionary of phraseological units. Makhachkala: Lotus, 2014. 253 p.
6. Daibova K.H. Short dictionary of phraseological units of the Kumyk language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1973. 83 p.
7. Magomedkhanov M.M. Avarsko-russky phraseological dictionary. Makhachkala, 1993. 157 p.
8. Solodub Yu.P. National specifics and universal properties of phraseology as object of linguistic research // Scientific reports of the higher school. Philological sciences. M., 1990. no. 6. pp. 55–65.

Рецензенты:

Магомедова П.А., д.фил.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Джамалов К.Э., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 26.08.2014.